

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕРА И ЖИЗНЬ»

В статье анализируются формы и методы презентации образа Средневековья на страницах православного журнала «Вера и Жизнь», издававшегося черниговской епархией в 1912–1917 гг. Сюжеты западноевропейского Средневековья присутствуют в журнале не как самостоятельная тема, а скорее как инструмент конструирования образа Европы и Запада, как его составляющей. При этом концепт Запада имеет явно выраженную негативную коннотацию и с началом Первой мировой войны тесно ассоциируется с образом врага (немецкой рассы).

Ключевые слова: Средневековье, «Вера и Жизнь», концепт Европы, образ Запада.

Развитие медиевистики в украинских землях Российской империи в конце XIX – начале XX в. было связано прежде всего с такими университетскими центрами, как Харьков, Киев, Одесса. Однако высшее образование было уделом немногих. Открытым остается вопрос о том, какое же представление о Средневековье было у большинства населения империи, у обычных жителей провинции.

В связи с этим интерес представляет такой комплекс источников, как периодическая печать. Согласно теории Ю. Хабермаса, журналы были частью стратегической и коммуникативной рациональности империи. Печатный текст выступает инструментом социальной власти, является одним из эффективных рычагов разветвленной имперской системы управления социумом [14]. Достаточно популярной, востребованной и читаемой значительной частью населения империи была православная периодика, консервативная по своей сути. Она активно участвовала в общегосударственном мифотворчестве, в частности, помогала создавать образ Запада, подчеркивая его инаковость по отношению к России.

Региональная периодика интересна тем, что позволяет исследовать особенности представления о Средневековье среднестатистическим жителем провинции. Для примера в качестве объекта исследования был выбран православный журнал Черниговской епархии «Вера и Жизнь» (1912–1917, ред. Савинский С.В.). В отличие от других региональных православных периодических изданий («Черниговский церковно-общественный вестник», «Черниговский вестник», «Голос духовенства и мирян Черниговской епархии»), он относился к т. наз. «качественной прессе»: выходил два раза в месяц, содержал глубокие аналитические материалы, давал ссылки на источники информации, анализировал и цитировал не только труды христианских авторитетов, но и философов, ученых (в т.ч. и историков), политиков, общественных деятелей. На его страницах печатались научно-популярные статьи по разным вопросам православно-христианского богословья и философии, пастырской практики, беседы, статьи по церковной истории, археологии, литературе, педагогике, художественные произведения, а также хроники событий местной и общественной жизни [3, с. 3].

Читательскую аудиторию журнала, составлял «средний класс»: чиновники, купцы, образованные рабочие, учителя, офицеры, что говорит о его значительном прагматическом потенциале. Официальным издателем журнала «Вера и Жизнь» было Братство св. Михаила, князя Черниговского, Он был в 1911 г трансформирован из журнала «Черниговские епархиальные известия» (издававшегося с 1861 г. (1861–1911, ред. с 1901 г. Лебедев И.Н.)).

Задача исследования состояла в том, чтобы провести анализ способов презентации Средневековья, реконструирования исторических объектов, тенденции выбора дискурсом акторов (исторических деятелей) данного периода и установить прагматический потенциал сложившегося образа.

Братство св. Михаила, князя Черниговского, отвечавшее за издание журнала, одной из своих задач считало «просвещение православной черниговской паствы светом истины и воспитание ее в духе исконных русских начал – преданности православной церкви, верности самодержавному Государю и любви к родине» [4, с. 102]. Руководствуясь известной формулой «За Веру, Царя и Отечество», редакция через обращение к сюжетам из западноевропейского средневековья особо старательно реализовывала первую и последнюю составляющие – прививать любовь к православию и отечеству.

Несмотря на то, что в журнале есть специальный «исторический раздел», помещавший статьи по истории, церковной истории, археологии, следует заметить, что публикаций, целенаправленно посвященных истории средних веков (как самостоятельной теме) за все годы его издания не так и много и они не носят характер глубоких исследований. Редакторы советуют тем, «кто хочет приобрести более полное и основательное знакомство с средневековьем», читать специальную историческую литературу [12, с. 21].

Тем не менее, проблематика этого периода затрагивается во многих публикациях. Дискурс журнала, придерживаясь прогрессивной тенденции того времени, ставит целью развенчать мифы о средних веках как о «темной» и «мрачной» эпохе, подчеркивая, что именно эти эпитеты наиболее распространены относительно европейской культуры с V по XV ст.: «Произвол, чудовищное честолюбие, властолюбивый фанатизм, тирания и гнет, суеверие и невежество – таковы элементы, из которых, по обычному представлению, слагалась жизнь средневекового человечества», «Никогда, быть может, не занимало такого господствующего положения суеверие и невежество, как в средневековье, ... едва ли когда человеческий дух проявил большую энергию в деле разрушения общечеловеческой культуры» [12, с. 21]. Автор этих слов ставит целью своей публикацией побороть негативную обывательскую оценку, высказывая удивление: «как будто в средневековье уже подлинно все от верху до низу было проникнуто беспринципностью, как будто в самом деле тогда не было ни одного светлого луча, который бы, хоть сколько-нибудь, озарял бы в общем темный фон средневековой культуры» [12, с. 21]. Так, например, Генриху Эйкену за работу «История и система средневекового мирозерцания» (перевод вышел в СПб в 1907 г.) ставится в упрек то, что он часто стущает краски при изображении темных сторон средневековой жизни. Пытаясь реабилитировать этот период, автор отмечает, что «едва ли когда человечество так много и упорно трудилось в области мысли... Едва ли когда человеческий дух ... обнаружил и великую созидательную мощь». Однако, в нескольких последующих подробных статьях эта мысль, к сожалению, не получает детального развития. Ход изложения поворачивает в другое русло.

Предметом особого внимания становится папская теократия. Дискурс ополчается прежде всего против католической церкви, создавая мощный поток критики в ее адрес. Католицизм осуждается за материальные стремления, отход от истинной духовности, «приспосабливаемость», воинственность и «чрезмерную уступчивость духу времени», посягательство на замену светского государства на «мировое теократическое государство во главе с ... папой» [10, с. 104]. Истоки всех ее недостатков возводятся именно к средневековью. Деятельность римской церкви оценивается крайне негативно: она тормозила экономическую культуру, искажала право и образование. И «даже забота о бедных больных с средневековой точки зрения имела своими мотивами не человеколюбие и сострадание к страждущим, а стремление к личному спасению, личному блаженству» [13, с. 34].

Редакторы журнала упрекают средневековый католицизм в чрезмерном доминировании над умами, в том, что он пытался лишить человека счастья бытия, ставя всю земную жизнь в угоду вечного будущего. Все, что возникло вследствие грехопадения первых людей, считалось греховным: «и государство, и семья, и общественные различия, и труд и собственность и наука и искусство...» [12, с. 24].

Но в это критике заметна иная тревога. В дискурсе журнала, совершенно в духе православной периодики начала XX в, присутствует мощный концепт «Запада» с негативным семантическим полем. Запад презентуется как рассадник атеизма, материализма, социализма, переворотов и т.д. В этом отношении в отрицании католицизмом всего мирского кроются, по мнению редакции, корни европейских революционных движений Нового времени. Особенно критиковался постулат о том, что «земное государство... не могло иметь ценности», «власть не от папы, будучи порождением греха, служила больше дьяволу, нежели богу», что впоследствии, по мнению редакции, и толкало народ на выступления против самой светской власти.

В целом, образ католика, как представителя западной культуры, в дискурсе крайне негативен. Упоминания о протестантах и протестантских странах носят значительно более нейтральный характер.

Рубежным историческим событием, повлиявшим на подбор редакцией журнала исторических агентов средневековья, стала Первая мировая война. Если в довоенное время (1912 – июль 1914 гг.) обращение к этой эпохе было связано с противопоставлением православия католицизму, то с началом войны культурологическая наполненность образа уступает место идеологической составляющей: средневековые сюжеты стали использоваться как аргументы в обосновании военного противостояния.

Политолог Г. Лассуель, одним из первых заговоривший о манипулировании властью общественным сознанием на примере Первой мировой войны, признавал пропаганду не менее действенным оружием, чем военное и экономическое давление [7, с. 18] и основными ее целями считал возбуждение ненависти к неприятелю, поддержание добрых отношений с союзниками, деморализацию противника.

Особенно продуктивен был дискурс в создании образа «врага» через трансформацию в массовом сознании устойчивых негативных представлений о государствах-противниках и их народах. В этом отношении издание прибегло к стандартному набору средств: манипулирование традиционными символами и стереотипами, мистификация, сознательное искажение информации о противнике, мифотворчество (при этом мифологизировались как «свои» так и «чужие»). Грозой общеевропейской культуре стали позиционироваться Германия и Австро-Венгрия, воюющие «во имя господства одного сильнейшего и якобы умнейшего народа», несущие «смерть и разрушения всему пред силою железного кулака», разрушающие на этом пути «плоды наук и искусств, свободы и жизнь народов, требования международного права» [6, с. 44].

В довоенный период в отношении этой страны в дискурсе журнала преобладали темы, связанные с развитием наук, техническим прогрессом, даже подчеркивались общие черты в национальных характерах и религии славян и немцев: «... германские народы, среди которых главным образом утвердилось протестантство, изначально отличались индивидуализмом, свободолобием, самоуверенностью личного ума и некоторою особенною нравственною чистотою» [8, с. 44], «...светлый и здравый взгляд на жизнь, нравственно-простые и строгие чувства доблести и мужества отразились в более патриархальных и простых религиях славян и германцев» [9, с. 52].

С началом войны авторы всячески стараются реабилитироваться в резком изменении оценок Германии. Теперь уже славяне и германцы позиционируются как «противоположные по своим национальным и церковно-политическим устоям» [11, с. 76]. Ключевой темой из европейского средневековья становится история «*Drang nach Osten*». Появляется новая цель – «показать исконную ненависть и варварство немцев по отношению к славянам» [1, с. 27] доказать, что Германия еще со времен средневековья ведет ожесточенную борьбу против Руси.

Одновременно на фоне усиления в империи центробежных тенденций, дискурс играет и еще одной темой – необходимости единства страны, целостности государства. Так, освещая вековую борьбу двух миров, славянского и германского, автор называет и главную причину неуспеха славян в этой б-бе: «славяне ... не объединились в одно государство... взаимная рознь и постоянная вражда отдельных племен ослабляла славян и передавала их в руки врагов – немцев» [1, с. 35]. У немцев же еще в средние века возникло «сплоченное государство с сильной монархической властью». Причем создание этого государства связывалось не с Оттоном I, а с Карлом Великим, впервые объединившим в Европе германский элемент в «Священную Римскую империю».

После 1914 г. в оценках германских исторических деятелей создается негативное семантическое поле: так, Габсбурги «за немногими исключениями» характеризуются как «семья узких фанатиков и царственных эгоистов, ... католиков до мозга костей». Избрание в 1526 г. чешским сеймом Фердинанда Габсбурга королем Чехии оценивается как «величайшее политическое неразумие, предательство родины, политическое самоубийство» [2, с. 48]. С особыми леденящими душу подробностями излагаются события, связанные с продвижением немцев на восток: «народ убивали тысячами, вешали, рубили головы, колесовали, обрезывали руки, носы, уши», убивали женщин и стариков, детей отдавали в рабство» [2, с. 42]. При изложении разгрома Чехии в ходе Тридцатилетней войны особенно подчеркивается уничтожение всего не католического населения, рисуется страшная картина: «тысячи сел сожжены, десятки городов в грудах развалин. Непогребенные трупы жителей валялись по дорогам. Голод и болезни доканчивали истребление народа» [2, с. 47].

Обращение к некоторым средневековым источникам было связано с поиском «пророчеств» гибели врагов империи: упоминаются сведения иеромонаха Агафангела (XIII в.), католического Монаха Малахия (XVI в), сказания Мефодия Патарского, императора Льва Мудрого – все сулит гибель Германии и Австрии, усиление и верховенство России. В пророчестве латинского монаха Иоанна (1600 г.) символически видится победа России в сражении белого орла (России), петуха (Галлии, т.е. Франции), леопарда (Англия) с двумя черными орлами (Германия и Австро-Венгрия) [5, с. 75].

Таким образом, дискурс православного журнала «Вера и Жизнь» не ставил целью создать целостный образ средневековья и не играл сколько-нибудь значительной роли в развитии

медієвистики як науки. Однак он оказывал определенное влияние на формирование читательской картины мира рядовых жителей провинции, не получивших университетского исторического образования. Отдельные средневековые сюжеты активно использовались в качестве средства для наполнения концепта Запада, противопоставляя Россию Европе, подчеркивая дихотомию Российской империи как «Европы/не-Европы».

Источники и литература:

1. Богуславский П. Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 21. – С. 24–36.
2. Богуславский П. Борьба славян и немцев / П. Богуславский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 22. – С. 45–54.
3. Бойко А.А. Преса православної церкви України кінця ХІХ – початку ХХ століття: тематика і проблематика. – Автореф. дис.... д-ра філолог. наук: 10.01.08 / А.А. Бойко; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2002. – 31 с.
4. Братство св. Михаила, князя Черниговского // Вера и Жизнь. – 1913. – № 4. – С. 102–103.
5. Выступление Турции и древние пророчества // Вера и Жизнь. – 1914. – № 23. – С. 71–76.
6. Ельчуков А. Русские славянофилы 40–60-х гг. / А. Ельчуков // Вера и Жизнь. – 1915. – № 8. – С. 44–58.
7. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М.-Л.: Гос. издат, отдел военной литературы, 1929. – 212 с.
8. Н-ский Н. Национальность и религия в их взаимоотношении / Н. Н-ский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 5. – С. 42–49.
9. Н-ский Н. Национальность и религия в их взаимоотношении / Н. Н-ский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 4. – С. 46–53.
10. Приспособляемость католической церкви: Обзор церковной и общественной жизни в России и за границей // Вера и Жизнь. – 1912. – № 5. – С. 104.
11. Смирнов В. Краткая история «Восточного вопроса» / В. Смирнов // Вера и Жизнь. – 1917. – № 1. – С. 75–78.
12. Тер-Навский [б.и.] Религиозно-аскетический идеализм средних веков и его влияние на средневековую жизнь / Тер-Навский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 4. – С. 20–33.
13. Тер-Навский [б.и.] Религиозно-аскетический идеализм средних веков и его влияние на средневековую жизнь / Тер-Навский // Вера и Жизнь. – 1914. – № 5. – С. 3–41.
14. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса / Е.И. Шейгал // Сборник эссе о социальной власти языка. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 57–64; Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.

Марина Кеда

ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКЕ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ НА СТОРІНКАХ ЖУРНАЛУ «ВЕРА И ЖИЗНЬ»

В статті аналізуються форми і методи презентації образу Середньовіччя на сторінках православного журналу «Вера и Жизнь», який видавався чернігівською єпархією в 1912–1917 рр. Сюжети з історії Західноєвропейського Середньовіччя присутні в журналі не як самодостатня тема, а скоріше як інструмент конструювання образу Європи та Заходу як його складової. При цьому концепт Заходу має виразно негативну конотацію і з початком Першої світової війни асоціюється з образом ворога (німецької раси).

Ключові слова: Середньовіччя, «Вера и Жизнь», концепт Європи, образ Заходу, православна періодика, Чернігівська губернія.

Marina Keda

WEST-EUROPEAN MIDDLE AGES AT PAGES OF THE MAGAZINE "VERA AND ZHIZN"

The article analyses the ways of presentation style of European Middle Ages at the pages of the Orthodox magazine "Vera and Zhizn" ("Faith and Life"), published by Chernigiv diocese in 1912–1917. Episodes from the Western European Middle Ages are presented not as a self-contained topic, but rather as a tool to construct the image of Europe and the West, as its component. Thus the concept of the West has a

vivid negative connotation and the beginning of the First World War is closely associated with the image of the enemy (the German race).

Keywords: *Middle Ages, magazine "Vera and Zhizn'" ("Faith and Life"), the concept of Europe, the image of West, orthodox periodicals, Chernigiv province.*

УДК 930(497.2):929Стамболов

Дмитро Миколенко

ДИКТАТОР АБО ЕФЕКТИВНИЙ ДЕРЖАВНИК: СУПЕРЕЧЛИВИЙ ОБРАЗ СТЕФАНА СТАМБОЛОВА У БОЛГАРСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ І ПУБЛІЦИСТИЦІ ПЕРІОДУ ТРЕТЬОГО БОЛГАРСЬКОГО ЦАРСТВА

У статті виконано історіографічний огляд публіцистики і наукових досліджень болгарських авторів, виданих у період Третього царства, де розкривається внутрішня і зовнішня політика С. Стамболова. Автор приходить до висновку, що оцінка діяльності державника знаходилася у прямій залежності від політичної кон'юнктури у Болгарії, а практики та ідеї лідера Народно-ліберальної партії використовувалися в агітаційно-пропагандистських цілях.

Ключові слова: *болгарська історіографія, С. Стамболов, Народно-ліберальна партія, «стамболовісти».*

Остання третина XIX ст. пройшла для Болгарії під знаком становлення державності. Помітну роль у цьому процесі відіграв відомий політичних діяч країни Стефан Стамболов. Протягом 1870–1878 рр. він брав активну участь у національно-визвольній боротьбі проти турецької влади. Після створення самостійного болгарського князівства неодноразово обирався депутатом Народних зборів, був членом Ліберальної партії. З 1884 по 1886 р. перебував на посаді голови Звичайних народних зборів. 1885 року виступав на підтримку об'єднання Князівства і Східної Румелії.

На політичну авансцену Стамболов зійшов у 1886 р. Саме тоді в країні відбувся державний переворот, організований проросійськи налаштованими офіцерами болгарської армії, які заради налагодження відносин зі Санкт-Петербургом, вирішили відсторонити від влади князя Александра I. Стамболов не підтримав змовників і став на чолі контр-перевороту, що мав на меті відновлення на троні законно обраного монарха. Взавши вгору у цьому протистоянні, він протягом 1886–1887 рр. очолював Регентську раду – орган утворений після зречення престолу Батенберга. На цій посаді Стамболов сприяв приходу на болгарський трон князя Фердинанда й обмеженню впливу Росії на внутрішні справи Болгарії. Його принципова позиція щодо взаємин із Санкт-Петербургом, а також небажання останнього йти на компроміси з прагненнями Софії призвели до розриву двосторонніх дипломатичних відносин.

З 1887 по 1894 р. С. Стамболов очолював уряд країни, а з 1887 по 1895 р. був лідером Народно-ліберальної партії (НЛП). Реалізуючи свої владні повноваження, він застосовував авторитарні методи. Через це значна частина громадськості країни сприймала його як диктатора. Зворотнім боком його правління стали значні успіхи Болгарії у модернізації економіки і розвитку ринкових відносин. Софія домоглася від Порти суттєвих поступок у вирішенні на свою користь македонсько-одринської проблеми. Не зважаючи на намагання Росії ізолювати Софію на міжнародній арені, С. Стамболову вдалося налагодити контакти з Австро-Угорщиною і Великою Британією, заручившись їхньої політичною й економічною підтримкою.

Політична спадщина, яку залишив після своєї трагічної загибелі у 1895 р. Стефан Стамболов, також має суперечливий характер. Зміцнивши інститут монархії і забезпечивши легітимність правлячої династії, він відкрив Фердинанду шлях до встановлення на початку XX ст. режиму особистої влади. Протистояння між угрупованнями русофобів і русофілів, яке розпочалося за часів регентства Стамболова, протягом тривалого часу залишалося найхарактернішою особливістю партійної системи країни і свідченням розколу у суспільстві. Надмірна роздутість штату чиновників і поліцейського апарату, характерна для періоду правління «стамболовістів», стала невід'ємним атрибутом системи адміністративного управління Болгарії. Вона обтяжувала державний бюджет і стала однією з причин кількох глибоких економічних криз, які переживала країна наприкінці XIX – на початку XX ст. Наслідки ускладнення відносин з Росією та розрив з нею дипломатичних відносин